

12. «puls 'крупa' Grueze krupa *kasza*» [10. Л. 43r]. Глосса уточняет *kasza* 'каша'. По-польски и в сухом виде до варки крупа называется *kasza*.

Словарная статья практически точно повторяет чешское: «Puls 'крупa' *kraupa grutz*» [3. Л. 4v].

Маргинальные глоссы показывают, что границы лексических норм читателем почти пятивековой давности определялись весьма уверенно, а их нарушение в словаре воспринималось эмоционально и порой весьма болезненно, что проявилось в оценочных обращениях к автору словаря. Думается, рассмотренные глоссы добавляют некоторые живые черты в наше представление о том, как протекало взаимодействие чешского и польского литературных стандартов в пору их формирования.

Список литературы

1. Абисогомян И. Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство. — Тарту, 2009. — 200 с. (Dissertationes philologiae slavicae universitatis tartuensis. 22).
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 2. — Москва, 1987. 672 с.
3. Anon. Dictionarius: trium linguarum. latine. teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprimè utilis. — Wien, 1513. — 20 p. (PAN Biblioteka Kórnicka, Cim.Qu.212).
4. Bonaparte Ch. L. Saggio di una distribuzione metodica degli animali vertebrati. — Roma, 1831. — 145 p.

5. Diefenbach L. Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetati. — Frankfurt am Main, 1867. — XXIV, 392 S.

6. Kvičala J. Prohlášení proti pánům Dru V. Flajšhansovi a Dru J. Gebauerovi // Muzeum filologické. Založeno Spolkem filologickým v Praze. Odpovědný redaktor: Dr. Jan Kvičala. — Ročník VII. — Praha, 1901. — S. 1–10.

7. Linde S. B. Słownik języka polskiego. — Część III czyli volumen V. — Warszawa, 1812. — [10], 704 s.

8. Łopaciński H. Najdawniejsze słowniki polskie drukowane // Prace Filologiczne. — V, 1899. — S. 393–454, 586–605.

9. Łoś J. Gramatyka polska. — Cz. II. Słowotwórstwo. — Lwów; Warszawa; Kraków, 1925. — XVI, 336 s.

10. Mymer F. Dictionarius: trium linguarum: latine. teutonice et Polonice: potiora vocabula continens / Nunc denuo pluribus in locis auctus / in Titulis per seriem Alphabeti continuatus / cum peregrinantibus tum domi residentibus / et quibuslibet tribus loqui linguis cupientibus maxime necessarius / et vtilissimus. — Cracovia, 1550. — 96 S. (PAN Biblioteka Kórnicka, Cim.O.163).

11. Páta J. Česká lexikografie. Stručný nástin dějin českého slovníkářství // Časopis pro moderní filologii. — Roč. I. — Praha, 1911. — S. 6–10, 103–106, 198–202, 296–301.

12. Petrůčková V. Nový příspěvek k dějinám slovníkářství // Naše řeč. — Roč. 72 (2). — Praha, 1989. — S. 84–86.

13. Słownik staropolski. — URL: <http://staropolska.pl/slownik>

Mazhara N.S.

teacher of the department of Ukrainian and foreign literature
Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University

METAGENRE CODE OF THE UKRAINIAN MEMOIRS

Мажара Наталья Сергеевна

преподаватель кафедры украинской и зарубежной литературы
Мелитопольский государственный педагогический университет
имени Богдана Хмельницкого

МЕТАЖАНРОВЫЙ КОД УКРАИНСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ

Summary: The theoretical aspects of the evaluation of Ukrainian memoirs as a metagenre education are investigated. The genological features of the memoir text are determined. It is concluded that there are modifications of the literature of fact within the genre affiliation, which opens up the prospects for the clear, concrete historical study of the genological typology of memoirs.

Аннотация: Исследованы теоретические аспекты оценки украинской мемуаристики как метажанрового образования. Определены генологические особенности мемуарного текста. Сделан вывод о модификациях литературы факта в пределах жанровой принадлежности, что открывает перспективы для четкого конкретно-исторического изучения генологической типологии мемуаров.

Key words: *memoirs, genres of memoirs, genological code, genre, metagenre.*

Ключевые слова: *мемуары, мемуаристика, генологический код, жанр, метажанр.*

Постановка проблемы. В условиях современного филологического дискурса мемуары как метажанр выступают одним из интереснейших объектов литературоведческих исследований.

Достоверность, предельная искренность, личностно-интимное повествование, возникшие из-за отсутствия четких канонов и правил, во многом

определили интерес науки к художественно-документальным произведениям.

Сегодня мемуары уверенно утвердились на своих позициях в системе украинской документалистики и являются целостной структурой, характеризующейся собственными выработанными устойчивыми признаками, изучение которых имеет большое значение, поскольку обеспечивает теоретические основы генологии литературы воспоминаний, и представляет ученым возможность сформировать определенную методику работы с этой специфической категорией текстов.

Анализ последних исследований и публикаций. Наиболее активно предметом исследований украинская литература non-fiction стала в конце XX – начале XXI века. Подтверждение этому находим в работах известных литературоведов – И. Акиншиной, Е. Бровко, М. Варикаши, И. Василенко, Т. Гажи, А. Галыча, Е. Заварзиной, О. Климчук, В. Кузьменко, Г. Маслюченко, Н. Момот, В. Пустовит, О. Рарицкого, И. Савенко, К. Танчин, Т. Томилиной, М. Федунь, Т. Черкашиной.

Благодаря доктору филологических наук, профессору А. Галычу в украинском литературоведении сформировалась научная школа, которая занимается активным исследованием проблем документальной литературы. В работах его учеников – Е. Данилиной, Д. Карачовой, Е. Медоренко, О. Полищук, Т. Черкашиной, А. Шевердиной и др. – раскрываются теоретические аспекты исторической альтернативистики, художественно-биографической и мемуарной литературы, определены тенденции развития современной документалистики в условиях глобализации, что позволяет характеризовать литературу факта как сложное многожанровое образование, состоящие из отдельных метажанров – мемуаристики, художественной биографики [2]. Как утверждает сам основатель школы: «Будущее – за документальной литературой. Литература fiction теряет свое силовое поле влияния на читателя, на смену ей все чаще приходит литература non-fiction» [2, с. 6].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Между тем, сегодня имеет место некая неудовлетворенность достигнутым. Это касается как принципов генологического своеобразия мемуаров, так и литературоведческого понимания самой категории метажанра. Большинство научных трудов по вопросам их дефиниции раскрывает историко-литературную составляющую, оставляя актуальной проблему жанровой характеристики и классификации, но при этом создавая и определенную почву для дальнейших исследований.

Цель статьи – интерпретация украинских мемуаров как уникального метажанрового образования.

Изложение основного материала. Переосмысливая существующие рецепции

мемуарной литературы, представляется целесообразным определить общую формулу: мемуары – это рассказ или размышление о реальных событиях прошлого, основанный на личном опыте и памяти автора. Как известно, сам процесс воспоминания мемуариста всегда происходит в настоящем. Поэтому содержательным аспектом мемуарных текстов является прошлое, которое пройдено, определенный факт, который актуализировал события настоящего и является своеобразной реконструкцией того, что было в действительности.

Мемуарная традиция существовала всегда: с тех пор как человек начал писать появилось и стремление рассказать обществу о себе, современникам или же запечатлеть в фактах и деталях для потомков образ эпохи. Кроме познавательной функции мемуары выполняли и специфическую – воспитывали патриотизм, формировали активную гражданскую позицию, мировоззрение, репрезентовали и дополняли определенные этапы национальной истории.

Периодизация эволюции украинской мемуарной прозы впервые была подана А. Галычем в диссертационном исследовании «Украинская писательская мемуаристика: природа, эволюция, поэтика» (1991). Обоснованными являются и дальнейшие работы ученого, в который он акцентирует на развитии жанров мемуаров «по восходящей линии»: от простых к более сложным жанрам по форме, содержанию, эстетике [1]. Считаем, что эта тенденция, определенная А. Галычем, способствовала тому, что менее сложные жанры не исчезли в процессе становления мемуаристики, а трансформировались и совершенствовались, иногда становясь составляющими более сложных жанров.

В свою очередь, М. Федунь утверждает, что в основе развития литературы воспоминаний находится их синкретизм, характеризуя мемуары как «полноценное художественное явление, которое базируется на устойчивых традициях» [5, с. 20].

Обобщая накопленный научный опыт отметим, что наследие украинской мемуаристики свидетельствует об эволюционных процессах в ее жанровой системе: от обычного фактографического изложения к созданию масштабного образа исторической эпохи, в частности судьбы человека и нации в ней.

Истоки украинской мемуаристики берут начало еще в автобиографических элементах произведений эпохи Киевской Руси. Если говорить о трансформации жанров мемуаристики, то большинство из них сформировало свои первоначальные элементы именно в этот период. Принятие христианства значительно повлияло на развитие литературы. Элементы автобиографизма прослеживаются в княжеских житиях, агиографических произведениях, апокрифах.

Летописная традиция Киевской Руси на протяжении более полувека оказывала влияние на формирование мемуарной литературы. Именно в

летописях можно проследить личностную оценку автором тех событий или личностей, о которых он писал, подавая свое первоначальное субъективное мнение как современник. Так, в «Поучении детям» Владимира Мономаха прослеживаются попытки князя передать свой жизненный опыт потомкам через определенные наставления. А чтобы эти указания не выглядели слишком абстрактными, князь подтверждает их примерами из собственной жизни: «Что надлежало делать отроку моему, то сам я делал на войне и на ловах, ночью и днем, в жару и на холоде, не давая покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал я все, что было надо. Весь порядок и в доме своим-се я наводил, и в ловчих порядок сам, и в государстве...» [3, с. 457].

Подобные отступы в летописных произведениях были редкостью, их нельзя назвать самостоятельными жанровыми образованиями, поскольку вся литература того времени подчинялась каноническим жанрово-этикетным нормам, а над личностным началом доминировал безличностный характер средневекового исторического повествования.

Интересной с точки зрения зарождения жанровых элементов мемуаристики является «Повесть временных лет» (1113), составленная Нестором-летописцем. В ней автор использовал разные источники – библейские, апокрифические, документы, собственные воспоминания и воспоминания очевидцев, образцы дружинного и народного творчества, подчинив все хронологическому принципу изложения повествования.

С приходом христианства связано также зарождение жанра некролога как записи в церковных книгах имен умерших. Фактические данные о смерти определенного лица, чаще всего общеизвестного, позже становятся характерными для всех этапов развития этого жанра мемуаристики.

В XII – XIII вв. в паломнической литературе прослеживаются черты путевого дневника – «Житие и хождение Даниила, Руской земли игумена», «Диариуш иеромонаха Димитрия, постриженца Киевского Кирилловского монастыря» Дмитрия Туптала (1702-1709), а в среде полемической литературы (XV–XVII вв.) возникает и активно развивается эпистолярный жанр, представленный письмами-посланиями И. Вишенского.

Утверждение личностного начала автора в литературных произведениях происходило на протяжении XVI–XVII вв. и способствовало отделению мемуаров от различного рода литературы, в частности летописной. В этот период преобладают тенденции к ведению дневников, записных книжек и к написанию писем.

В эпоху барокко снова возникает интерес к жанру литературного некролога («Стихотворение, о жалостном погребении благородного рыцаря Петра Конашевича Сагайдачного» К. Саковича). Хотя подобные произведения были сосредоточены

на внешних событиях, но уже содержали интерес к отдельной личности.

Украинская литература XVI – середины XVIII вв. отмечена влиянием казацко-гетманской эпохи и представлена многочисленными произведениями, в которых освещаются военно-политические события, положение отдельных сословий, торговые и хозяйственные взаимоотношения, церковные дела, паломничества к святым местам и путешествия в другие страны. Авторами являлись очевидцы и участники описываемых событий.

В эпоху Ренессанса произошла автономизация индивидуального жизненного пути автора мемуарного произведения, которая привела к существенному расширению социального представительства мемуаристов: священники, военачальники, дипломаты, мещане, купцы, дворяне. Элементы литературы воспоминаний этого периода представлены в трудах игумена Свято-Симеоновского монастыря Афанасия, киевского мещанина Б. Балыки, белгородского епископа Йоасафа, путешественника и художника В. Григоровича-Барского, волынского шляхтича И. Ерлыча, казацкого полковника и дипломата С. Мужилковского, автора казацкой конституции П. Орлыка, митрополита Димитрия Ростовского и др. В этих произведениях делалась попытка описать жизнь борцов за национальное освобождение, общественный быт, специфику эпохи.

Особенностью XIX в. является синтез фактов личной жизни и исторический контекст, рефлексивная позиция автора в виде иронического дистанционного самонаблюдения. Среди мемуаристов были государственные деятели и писатели, путешественники и ученые, мыслители-теологи и служители церкви. На этом социально-историческом этапе элементом духовного быта становится дневник и вступает в соперничество с эпистолярным жанром. Его популярность была связана с высоким уровнем писательской культуры, с ростом образованности в разных социальных слоях, с интересом к общественной и частной жизни: «Журнал» Л. Кричевской (1817), «Путевые записки» И. Левицкого (1818), «Записки студента» Е. Гребинки (1838), «Дневник художника» А. Мокрицкого (1839). Дневник был способом выражения творческой потребности в фиксации примечательных фактов личной жизни и общественных событий. Наряду с этим его ведение способствовало формированию литературного стиля на практике. К мемуарному творчеству в этот период обращались И. Срезневский, М. Драгоманов, К. Устиянович, Т. Шевченко, П. Кулиш, П. Мирный.

Борьба за национальное освобождение и самоутверждение обуславливало национально-патриотическое направление мемуаристики. Ведь именно средствами литературы факта украинские деятели пытались привлечь внимание читателей к трагическим и героическим страницам истории. О сложных общественно-исторических событиях свидетельствует и эпистолярное наследие

М. Драгоманова, Г. Квитки-Основьяненко, И. Нечуя-Левицкого, М. Кропивницкого, А. Крымского, М. Старицкого, И. Карпенко-Карого, Ю. Федьковича, М. Коцюбинского, Леси Украинки и др.

Примерами литературных портретов XIX в. является «Автобиография» М. Драгоманова, «Жизнеописание» И. Нечуя-Левицкого, «Кое-что о самом себе» И. Франко, «Сказка моей жизни» Б. Лепкого. В этих произведениях начала открываться значимость личности и ценность автора.

Направленность воспоминаний на публикацию является также важнейшей тенденцией, способствовавшей развитию мемуаров во всех его направлениях: расширение тематики, усиление автобиографического начала, публицистическая направленность. Не смотря на это, записная книга писателя как жанр мемуаристики не была слишком распространенной и прослеживается в творческом наследии Х. Алчевской, О. Маковей, О. Кобылянской, Б. Гринченко.

Уже в конце XVIII – первой половине XIX вв. объемы мемуаристики как массива документальной литературы существенно выросли, в частности специфицировалась видовая природа мемуаров, выросла роль в фиксации общественных и культурных практик. В этот период также прослеживается тенденция к соотношению человека со временем, иногда подается изображение того, как под влиянием времени изменились его взгляды на мир и на людей, и каким образом можно воссоздать свою эпоху и себя на ее фоне.

В XIX в. выявляется специфика мемуаров: парадоксальное сочетание требований достоверности с требованием субъективности: Я. Головацкий «Пережитое и выстраданное» (1885), М. Драгоманов «Австро-венгерские воспоминания» (1892), М. Костомаров «Автобиография» (1885), А. Барвинский «Воспоминания из моей жизни» (1912-1913), Х. Алчевская «Передуманное и пережитое» (1912), С. Русова «Мои воспоминания» (1861-1915), Н. Билинский «Из прошлого-пережитого» (1870 – 1888), Н. Мочульский «Из последних десятилетий жизни Ивана Франко. Воспоминания» (1896-1916) и др.

Рост количества мемуарных произведений на протяжении XIX – XX вв. исследовала В. Пустовит, пользуясь фактическими упоминаниями о литературе воспоминаний в фундаментальном библиографическом справочнике «История дореволюционной России в ежедневных и воспоминаниях»: «По этим данным легко проследить рост количества мемуарных произведений, например, первая половина XIX века – четыре тысячи, вторая половина XIX – начало XX века – численность увеличивается более, чем в четыре раза и преобладает 17 тысяч названий» [4, с. 71-72].

В конце XIX – начале XX в. происходит формирование жанровых границ мемуаристики и ее дифференциация в соответствии со сферами деятельности мемуаристов, что повлекло специфику и особенности информации, представленной в воспоминаниях.

В XX веке общим для жанров мемуаров является обозначенность сложными социальными катаклизмами и стремительными изменениями во всех сферах жизни, обострение стремления человека к самопознанию и самопредставлению. К мемуарам обращаются как известные личности, так и рядовые люди. Мемуары становятся своеобразным ключом к самопознанию, раскрывают отношение автора к себе, своему времени и в процессе рассказа жизни структурируются в определенную смысловую целостность. Мемуаристы в воспоминаниях этого периода развития литературной и культурной жизни рассказывали о внешних событиях своей жизни и о жизни в контексте размышлений о мире.

XX в. представлен дневниками М. Грушевского, В. Винниченко, Е. Чикаленко, П. Тычины, М. Драй-Хмары, записными книжками Д. Марковича, М. Левицкого. В течение первой половины XX в. трансформируется жанр некролога, что уже содержит не только информацию о смерти определенного лица, но и сведения о его заслугах, определенные факты из биографии.

Значительным количеством произведений представлены мемуарные произведения первой половины XX в.: воспоминания ученого В. Вернадского (1943), писателя и политического деятеля В. Винниченко (1920), публициста и политика Д. Донцова (1958), историка Д. Дорошенко (1949); историка И. Крипьякевича (1927), общественного деятеля В. Леонтовича (1938), журналиста и публициста О. Назарука (1920) и др.

Спецификой мемуарной прозы военных и послевоенных времен является то, что очень часто они становились известными гораздо позже, чем они написаны. Проблема эмиграции украинской интеллигенции времен репрессий представлено в мемуарах Д. Нитченко, А. Крюка (Задеки), Г. Костюка, Д. Гуменной.

Сложность изучения мемуаристики XX века связана с тем, что дистанция между временем повествования и временем действия в мемуарах сократилась настолько, что произошел перелом мемуарных традиций. Особую сложность для исследователей представляет влияние на мемуарные тексты того времени эстетики и идеологии модернизма. В связи с чем размывается понятие реальности и актуализируется воображение о высокой исторической значимости современности, тогда как весомость прошлого редуцируется.

Жанровая атрибуция мемуаров, отражение фактического материала, его отбор для анализа, как показывает эволюция мемуарной традиции, скрывают в себе значительные трудности. Во-

первых, в разное время существовали различные различия в понимании специфики жанров, во-вторых, мемуаристы иногда не признавали существования собственно жанра и писали произведения, которые не соответствовали жанровым канонам, внося различные изменения в процесс его становления и развития.

Художественное своеобразие мемуаров как метажанра раскрывается именно на генологическом уровне. В жанровой системе мемуаристики функционируют как традиционные, так и новые жанры, каждый из которых находится в постоянном развитии, раскрывая собственную природу и специфику художественно-документальной литературы, имея при этом достаточно подвижные границы и свободную специфику в стилевом оформлении.

К традиционным жанрам мемуаров относятся собственно воспоминания, дневники, письма, литературные портреты, некрологи, записные книжки, заметки. Проекция проблематики и поэтики этих жанров на предыдущий опыт мемуариста позволяет говорить о механизмах их обновления, что способствовало в конце XX в. формированию оригинального метажанра.

Благодаря своему гибкому мышлению и специфической повествовательной структуре мемуары оказались в центре процессов диффузии. Считаем, что тенденция к смешиванию различных жанров как в пределах мемуаристики, так и в внежанровом измерении, создает ее своеобразную генологическую модель. Традиционные жанры активно могут смешиваться между собой в плоскости документалистики («Встречи и прощания» Г. Костюка, «Киевские неокласики», упоряд. В. Агеевой, «Homo feriens» И. Жиленко, «Воспоминания о Павле Загребельном» сост. М. Слабошпицкий, «Голоса моей жизни» Д. Павлычко «Как по струне в бездну» Л. Кореневича, «Я полон любви...» (воспоминания об Олеся Гончаре)» В. Гончар, «Я-меня-мне (и вокруг)» Ю. Шевелева (Шереха), «Воспоминания и фигуры» И. Качуровского) и вместе с тем демонстрировать динамичную диалектику жанровых взаимодействий мемуаров и художественной литературы, эссеистики, публицистики (роман-эссе Б. Сушинского «Тарас Шевченко: гений в одиночестве», повесть-свидетельство П. Нанива «Лозинский гроб», мемуарный роман Д. Гуменной «Дар Эвдотеи», книга воспоминаний О. Кузьменко «Моя дорогая птица. Мамина книжка», книга воспоминаний «Где ест и [е—кем] спит Фреймут» О. Фреймут,

мемуарный роман-интервью «Тайна» Ю. Андруховича, «Скелеты в писательских шкафах» Д. Стельмаха).

На наш взгляд, новейшая украинская мемуаристика начинает осваивать новые плоскости для воспроизведения модусов прошлого и рецепции современности. Ее жанровые формы открыты для трансформаций, перестроек, обновлений, демонстрируя ее возможности как уникального метажанрового образования. Хотя и некоторые из них, например литературный портрет, как целостные жанры мемуаристики сегодня встречаются очень редко, являясь частью более сложной жанровой структуры для раскрытия галереи образов эпохи.

Выводы и перспективы. Исследование специфики украинских мемуаров дает основания утверждать, что на эволюцию мемуарного метажанра повлияли три основных аспекта: историографический (эпоха, ключевые события, факты), философский (мировоззрение, эстетика эпохи) и социопсихологический (повышение общественного интереса к личности и к особенностям ее жизненного уклада, стремление мемуаристов к самоидентификации и саморефлексии). Как уникальное образование мемуары сегодня демонстрируют неисчерпаемые возможности, поскольку сохраняя черты традиционных канонических жанров обогащаются новообразованиями путем жанровой и видовой диффузии.

Список литературы

1. Галич О.А. Українська документалістика на зламі тисячоліть: специфіка, генеза, перспективи: монографія. Луганськ: Знання, 2001. 246 с.
2. Література non fiction: теоретичний вимір: монографія / упоряд. Т.Ю. Черкашина; наук. ред. О.А. Галич. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2018. 272 с.
3. Мономах Володимир. Твори. *Літопис Руський* / перекл. Л. Махновець. К., 1989. С. 454–464.
4. Пустовіт В.Ю. Проблеми націєтворення в мемуарному дискурсі вітчизняних письменників XIX століття: монографія Луганськ: Знання, 2008. 284 с.
5. Федунь М.Р. Вітчизняна мемуаристика в Західній Україні першої половини XX століття: історичні тенденції, жанрова специфіка, поетика: монографія. Івано-Франківськ, 2010. 451 с.